

ЛУЧЪ СВѢТА

Литературно-политическое изданіе.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Книга III.

Іюнь.

БЕРЛИНЪ.

—
1919.

Рутенбергъ

Я выше упомянулъ, что общее впечатлѣніе, вынесенное мною отъ лицезрѣнія этихъ господъ, разговоровъ съ ними и наблюденія за ними, было бы неполно и не вполне правдиво выражено, еслибъ я не выдѣлилъ одного исключенія: былъ одинъ человекъ, по имени Рутенбергъ, который никакъ не подходитъ подъ эту общую характеристику, ибо меньшей узостью мысли, большей терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, твердостью и выдержкой воли и характера, искренностью убѣжденій, гордостью (но не тщеславіемъ) и рѣшительностью нрава, онъ составляетъ исключеніе изъ общаго шаблона безнадежной пошлости, мелочности и сектантской отупѣлости остальныхъ.

Еврей, социалистъ, революционеръ-террористъ, далеко не чуждый фанатичности и узости революціоннаго подполья, Рутенбергъ, какъ мнѣ казалось при первой моей встрѣчѣ съ нимъ, не могъ, повидимому, привлечь на себя, съ моей стороны, симпатизирующее вниманіе. А между тѣмъ, вышло именно такъ: единственный изъ встрѣчавшихся мнѣ за послѣдніе 2½ года въ изрядномъ количествѣ революціонеровъ, Рутенбергъ привлекъ на себя большее мое вниманіе и даже расположеніе. Само собой разумѣется, что онъ остается моимъ политическимъ противникомъ, врагомъ моего Царя и моей Родины (въ той единственной формѣ, въ какой я родину понимаю и люблю). Какъ человекъ сильный и даровитый, Рутенбергъ можетъ сказаться врагомъ очень вреднымъ, и я тогда, окрѣпя сердце, ни на одинъ мигъ не поколеблосъ передъ необходимостью парализовать его вредное дѣйствіе, если на то буду имѣть возможность. Я знаю, что и онъ сдѣлаетъ тоже самое со мною, если это понадобится тому дѣлу, которому онъ служить, и которое его совсѣмъ не достойно. Пускай бы къ дѣлу этому были пристѣгнуты Авксентьевы, Керенскіе, Бурцевы, Брешковскія и прочая мелкая птица вороньей породы. Мой Рутенбергъ никакъ не можетъ быть причисленъ къ вороню, ибо онъ всецѣло принадлежитъ къ гордой орлиной породѣ, и не мѣсто ему, по правдѣ сказать, среди всего этого людского сора.

Чѣмъ онъ покорило мое сердце, этотъ Рутенбергъ? Я думаю, прежде всего тѣмъ, что онъ сильный, властный, гордый настоящей, благородной человѣческой гордостью, внѣ тщеславія и напыщеннаго самомнѣнія большинства его товарищей; рѣшительный, энергичный. Затѣмъ, онъ еще и человекъ искреннихъ, безкорыстныхъ убѣжденій, чуждыхъ элемента личнаго, мелкихъ чувствъ: онъ дѣйствительно служитъ идеѣ, какъ ее понимаетъ, и дѣйствительно мечтаетъ не только о туманномъ, расплывчатомъ и очень неопредѣленномъ счастьѣ человѣчества, но о счастьѣ Человѣка, котораго обыкновенно единомышленники его совершенно забываютъ. Повторяю мое сравненіе: орелъ среди воронья, онъ на много головъ выше всѣхъ своихъ соучастниковъ ихъ общаго злого дѣла, такихъ мелкихъ, тщеславныхъ, самодовольныхъ и ничтожныхъ.

Говорять, не безъ основанія, что глаза человека — это зеркало его души. Я смотрѣлъ въ это «зеркало» Рутенберга и многое въ немъ прочиталъ: какое то особенное очарованіе существуетъ въ грустномъ, ласковомъ и вдумчивомъ выраженіи этихъ глазъ, сквозь которые свѣтится душа много настрадавшаяся, много возлюбившая, во многомъ извѣрившаяся, узнавъ и увидавъ много темнаго, раньше бывшаго скрытымъ; но душа эта пытается бороться за сохраненіе чистоты своихъ

помысловъ и побужденій и... продолжаетъ отстаивать свои, бывшія добросовѣстными, заблужденія и свои ложные и неправедные, ошибочно избранные, обманчиво, но искренно увлекшіе, оказавшіеся такими темными и страшными, пути...

Для меня было бы большимъ удовлетвореніемъ, еслибы когда нибудь Благодать Христовой Вѣры могла освѣтить своимъ очищающимъ Крыломъ эту скорбную, мятежную, но съ благородными задатками, душу, и еслибы Рутенбергъ, отрянувшись отъ грязи и завали «вороньей ставки», взмахнулъ орлиными крыльями и взлетѣлъ въ облаки, ему болѣе соотвѣтствующія...

Кому изъ моихъ читателей приходилось обо мнѣ что-либо слышать, тотъ, навѣрное, знаетъ о моихъ взглядахъ на Еврейскій народъ, на мрачную, могучую власть Кагала и на роковое значеніе Еврейства въ исторіи Человѣчества. Тѣмъ удивительнѣе должна казаться случайность, по которой единственному революціонеру-террористу, заинтересовавшему меня крупнымъ содержаніемъ необыденной души, суждено быть какъ разъ Евреемъ.

Дѣйствительно, какъ часто бываетъ въ жизни, случай сыгралъ одну изъ своихъ шутокъ: нужно же было, чтобы я, знающій и сознающій, что именно представляютъ Евреи, именно для Еврея дѣлать исключеніе изъ прочно выясненнаго для меня и несомнѣннаго убѣжденія о ничтожности и презрѣнности подлыхъ или глупыхъ людейекъ, принадлежащихъ къ категоріи «революціонныхъ дѣлъ мастеровъ». Правда, что въ этой категоріи Рутенбергъ не принадлежитъ къ разряду управляемыхъ и направляемыхъ исполнителей, слѣпыхъ и мало, если не вовсе, непосвященныхъ,—а состоитъ въ числѣ управляющихъ и направляющихъ, посвященныхъ сравнительно гораздо шире и глубже.

Удивительнаго, однако, въ этомъ казусѣ ничего нѣтъ. Среди моихъ жизненныхъ встрѣчъ съ разными людьми, мнѣ приходилось болѣе или менѣе близко знакомиться со многими Евреями, причѣмъ нѣкоторые изъ нихъ оказывались очень порядочными людьми, къ которымъ я отношусь съ глубокимъ уваженіемъ и искреннимъ сочувствіемъ. Имѣлъ я среди Евреевъ и близкихъ друзей. Скажу болѣе того: среди немногихъ, исключительно добрыхъ, благородныхъ, идейныхъ, истинно хорошихъ людей, приближающихся почти къ разряду праведниковъ — какихъ вообще въ жизни каждый человекъ встрѣчаетъ очень рѣдко и очень мало — въ памяти моей числится и нѣсколько Евреевъ, правда, не мозаистовъ, но обращенныхъ уже въ нашу Вѣру.

Выходитъ такъ, какъ будто бы преступному и порочному народу, въ искупленіе своихъ тяжкихъ грѣховъ, суждено

выдѣлять изъ своей среды особенно чистыхъ и высокихъ духомъ праведниковъ. Можно и иначе объяснить: намъ такъ необычно видѣть между Евреями посителей высокихъ добродѣтелей и доблестей, что мы невольно преувеличиваемъ значеніе тѣхъ хорошихъ Евреевъ, которыхъ приходится встрѣтить. Во всякомъ случаѣ каждый, вспоминая свою жизнь, можетъ вспомнить, что, независимо отъ исповѣдуемой религіи, хотя бы Иудейской, приходилось сталкиваться въ жизни съ удивительно хорошими Евреями, такъ что я слышалъ даже такое мнѣніе, высказываемое подъ впечатлѣніемъ подобныхъ встрѣчъ: «если Еврей не хорошъ, то онъ является собою особенно отвратительное и презрѣнное явленіе; но, когда онъ хорошъ, то душевныя качества, его отличающія, обыкновенно проявляются въ самой идеальной формѣ, въ превосходной степени». Разумѣется, здѣсь въ виду имѣются исключенія: въ общей массѣ Еврей,—хороши ли или плохи въ своей средѣ—по отношенію къ намъ, какъ къ Христіанамъ, являются врагами, расплителями Христіанства.

Среди людей, одинаковыхъ со мной взглядовъ и убѣжденій, также имѣются, къ сожалѣнію, страстные, непримиримые фанатики, доводящіе свое юдофобство до крайнихъ предѣловъ. Эти люди, пожалуй, сочтутъ ересь только что высказанное мною мнѣніе. Я не хочу идти по слѣдамъ этихъ слишкомъ прямолинейныхъ и увлекающихся людей; крайностей избѣгаю, насколько разумъ можетъ меня предостеречь и удерживать отъ нихъ; поэтому меня не удивляетъ, а только радуется, когда я нахожу хорошия черты души среди отдѣльныхъ представителей этого народа, или даже цѣликомъ хорошихъ людей: къ сожалѣнію, случается это рѣдко.

Такая неожиданная симпатія, какъ возникшая у меня по отношенію къ Рутенбергу, обыкновенно бываетъ взаимной; я и думаю, что онъ также отъ нашего кратковременнаго знакомства и сожительства недобраго чувства и недобраго воспоминанія не вынесъ.

Нѣкоторые слухи, до меня дошедшіе, какъ будто и подтверждають такое предположеніе.

Рутенбергъ освободился изъ тюрьмы гораздо раньше меня и, будучи уже на свободѣ, посѣщалъ иногда одну нашу общую знакомую, съ которой оба мы познакомились въ тюрьмѣ, куда она немедленно пріѣзжала къ своему мужу, сидѣвшему также съ нами. Эта дама мнѣ и рассказывала, что Рутенбергъ ей сказалъ слѣдующую знаменательную фразу: «представьте себѣ, что изъ всѣхъ арестантовъ, съ которыми мнѣ пришлось прожить общую жизнь, я сохраняю особенно хорошее воспоминаніе о монархистахъ, со мной сидѣвшихъ; я никакъ

не думаю, что они окажутся именно такими; я совѣмъ не знаю ихъ раньше».

Да, они не знали! Да, они не понимали! И, не зная и не понимая, они совершили дѣло, заставившее, правда, насъ всѣхъ полетѣть вверхъ тормашками, но разрушившее и Россію. Ибо въ Царѣ нашемъ заключался залогъ счастья, спокойствія, благоденствія и могущества Россіи.

Мы то, слуги Государя, за послѣднее время предшествовавшее революціи, заслужили свою горькую долю, ибо не было среди насъ сплоченной, мужественной и стойкой группы, которая сумѣла бы исполнить свой долгъ до конца среди раскатовъ грома разбушевавшейся бури. Какъ то случилось такъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, что вокругъ Государя Императора, или вѣрнѣе вокругъ Его Семьи, такъ какъ Государя ядала подлая западня Русскаго, оказались не лучшіе изъ насъ, на которыхъ можно было бы положиться, какъ на людей чести и долга, вѣрныхъ защитниковъ неприкосновенности Трона и вѣковыхъ устоевъ русской государственности, но люди слабые, нерѣшительные, а то и прямо трусливые. Большинство изъ насъ оказались неорганизованными, распыленными по разнымъ частямъ боевого фронта, а потому въ нужную минуту не было вблизи Государя и Государыни тѣхъ, кто могъ бы быть оплотомъ противъ враждебныхъ натисковъ торжествующей «демократіи», какъ принято называть революціонную сволочь, совершившую переворотъ и состоявшую въ дѣйствительности даже не изъ организованныхъ заблаговременно, дисциплинированныхъ демократическихъ массъ, но изъ общественныхъ отбросовъ, изъ людского отребья, которыхъ вожаками, пропагандистами и агитаторами были Еврей, изощрившіе всю свою ловкость и пронырливость, чтобы увлечь за собой неосмысленную, тупую и темную толпу.

И всетаки правъ былъ Рутенбергъ, жалуясь на то, что «они» насъ раньше не знали и, очевидно, представляли себѣ совѣмъ иными: недаромъ его учили въ пидлоліи видѣть въ насъ изверговъ рода человѣческаго, кровопийцъ-эксплуататоровъ честнаго труда «бѣднякаго, добренькаго русскаго мужичка».

Жизнь показала совѣмъ другое: какъ разъ самъ пресловутый «бѣдный мужичекъ» оказался извергомъ, насильникомъ, мучителемъ и грабителемъ, а мы, предполагавшіе изверги (я имѣю въ виду идейно и безкорыстно убѣжденныхъ правыхъ русскихъ людей) — вѣрными, стойкими служителями высокаго своего Идеала, альтруистами, ради Идеи совершенно пренебрегающими собственными своими интересами, имѣющими всегда въ виду, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ при-

нимающими въ соображеніе, пользу, счастье и благосостояніе того народа, который намъ оплатилъ за нашу любовь, за наши заботы о немъ, самымъ гнуснымъ истязательствомъ и поруганіемъ всего того, что намъ было свято и дорого.

Они не знали! Въ подпольяхъ своихъ разбросанные по всѣмъ уголкамъ Россіи, они готовили нашу гибель и перерожденіе Россіи, совсѣмъ не зная, кто же мы такіе, въ конечномъ результатѣ, и что именно слѣдуетъ создать, разрушивъ Русскій Тронъ и Русскую Государственность. Обвиняя именно насъ, правыхъ, за всѣ непорядки и недочеты государственнаго управленія, они и того не знали, что мы, какъ партія опредѣленнаго направленія, никогда еще не допускались и не призывались въ помощь Государю въ Его трудахъ, такъ что мы и отвѣтственности нести не могли за тѣ или другіе непорядки.

Враги народа принадлежатъ только автору; пенки перочинника и пера, брызги его
слова, будутъ прилагаться къ нему.

ВЪ ПЛЪНУ У „ОБЕЗЪЯНЪ“

(Записки „контръ-революціонера“).

Ф. ВИНБЕРГА.

„для общей пользы“

(Девизъ моей Alma Mater,
Императорскаго Александров-
скаго Лицея).

„Quand même!“

(Мой девизъ).

„There are more things in heaven
and earth, Horatio,

Than are dreamt of in our
philosophy“.

(Hamlet).

Shakspeare.

8 марта

Вчера освобождены Рутенберг и Пальчинский. Оба заходили в нашу комнату прощаться, причем простились с ними мы все, и Щегловитов, и Попов, и Сухомлинов, и я очень сердечно; особенно с Рутенбергом. Как это ни странно, но я очень доволен, что познакомился с интересными людьми совершенно противоположного лагеря. Пальчинский много уступает Рутенбергу, но и он представляет собой недюжинного человека, который мог бы быть полезным и очень производительным работником в русской жизни, так нуждающейся в дельных людях, если б возможно было его отделить от его партийности. Что же касается Рутенберга, то этот человек просто-таки мне нравится : революционер-террорист, фанатик-еврей, атеист – все черты, как будто бы для меня совершенно неприемлемые; но при этом – человек твердый, прямой, откровенный, волевой, очень умный, хорошо знающий всякое дело, за которое берется; прожил несколько лет в Италии, вместе с Пальчинским; оба они пользовались там репутацией выдающихся инженеров, которым вверялись самые ответственные поручения.

У меня с Рутенбергом установились шутливо-дружелюбные отношения: он посмеивался над моим монархизмом, а я над его терроризмом. Оба мы друг другу обещали, если встретимся на воле во вре-

мя политической борьбы, пристрелить друг друга. Я его изводил, находя в нем целый ряд недостатков, и говорил, что очень рад найти столько уязвимых мест в моем будущем очень опасном враге. Найденные недостатки сводились к следующим: эгоизм, что является явным противоречием проповедуемому им социализму и доказывает его непоследовательность; одноглазость – т. е. непонимание духовной стороны человека и вообще духовного мира, что составляет уже одно-сторонность и узость понимания и доказывает мое превосходство, как «двуглазого»; еврейский фанатизм, имеющий следствием пристрастность и предубежденность. Само собой разумеется, что все это говорилось в шутку, но сквозь шутку сквозило и серьезное мое мнение.

Рутенберг, как один из первых инициаторов сионистского движения среди евреев, очень радовался возникновению, по почину Англии, Иерусалимского государства и очень увлекался мыслью уехать туда работать пионером на пользу своего родного народа. В нем удивила меня довольно редкая среди евреев черта, что, будучи всецело предан еврейству, он вместе с тем искренно носит в душе горячее патриотическое чувство по отношению к России: по крайней мере, так он мне объяснял и казался при этом искренним. Я стал его поддразнивать и предсказывать ему, что, несмотря на его республиканские убеждения, он будет избран первым королем нового государства.

Продолжая разговор на эту тему, я его спросил, кем же и откуда он будет собирать свой народ, на что получил ответ, что он сумеет подобрать весь нужный ему и подходящий элемент. Я предложил ему такую комбинацию, выгодную, по моему мнению, для обеих сторон: ему нужно собрать новых граждан Иерусалимского государства, а нам освободиться от евреев; так вот, не будет ли хорошо объявить в России всех евреев иностранными подданными и такой мерой побудить их выселяться в свое собственное государство. Я никак не ожидал, что такое мое предложение могло так обидеть и рассердить Рутенберга; он даже в лице изменился.

«Не беспокойтесь, полковник, о наших еврейских делах, мы с ними сами управимся. Неужели Вы думаете, что я позволю кому-нибудь отнять у меня мои права русского гражданина? Это мое неотъемлемое право, которым я дорожу, и всегда русским гражданином останусь! И евреев, если понадобится их переселить в Иерусалим, я возьму с большим выбором. А те массы, которые Вы портили и развращали в течение целого ряда поколений – нам не нужны: мы их вам оставим; сами с ними возитесь!»

Я понял из этих слов, что Рутенберг отлично сам понимает, сколько отрицательного и негодного элемента имеется среди еврейства, и новое государство портить этим элементом он не желает, а имеет в виду собрать в состав палестинских граждан только самых отборных, самых лучших, в том или другом отношении выдающихся евреев. Я высказал ему эту мысль, и он ее не опровергал, а молчание — есть знак согласия. Я еще прибавил, что он оказывается еще более ярким антисемитом, чем я, при таком отрицательном мнении о большинстве населяющих Россию евреев.

Прощаясь с Рутенбергом, я сказал ему, что очень рад был с ним познакомиться и сохраню об этом знакомстве очень приятное воспоминание; он ответил мне тем же и был, кажется, искренен. Я сам себе дивлюсь, но — повторяю — он мне понравился: в нем есть что-то хорошее; думаю даже, что при всем волевом своем, стальном темпераменте, он может быть и душевным, и сердечным человеком. Узость и односторонность революционного подполья наложила и на него свой отпечаток, но не поработила и не парализовала его крупной индивидуальности. Тем не менее, большим недостатком является его фанатизм и партийная пристрастность. Судя строго, беспощадно, все ошибки Самодержавия, он с большой снисходительностью старается извинить и сгладить вину революционеров, и по глупости своей, и по своей злобности не умевших ориентироваться в незнакомой обстановке и скативших в пропасть ту самую Россию, ради которой, как они воображали, они предпринимали все свои действия.

Он все же не дошел до такого абсурда, как Пальчинский, который, в разговоре с Щегловитовым, страстно нападая на старый режим, на вопрос, как же они сами не сумели сделать ничего путного, когда власть очутилась в их руках, ответил: «Да в нашей неудаче вы же и виноваты: вы так нас преследовали и прижимали, что мы совсем голову потеряли, а когда достигли торжества своего, мы уже и стали действовать, по вашей же вине, с помутившимся рассудком». Выходит так, что на Самодержавие сваливают эти господа даже и свои собственные ошибки, и собственную свою глупость...